

На правах рукописи

НЕСТЕРОВА Наталья Михайловна

**ВТОРИЧНОСТЬ
КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ПЕРЕВОДА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Пермь 2005

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Пермский государственный технический университет» на кафедре иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор

Новиков Анатолий Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Питина Светлана Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
Уфимцева Наталья Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Чудинов Анатолий Прокопьевич

Ведущая организация: Башкирский государственный университет

Защита состоится 29 декабря 2005 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 при Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного университета.

Автореферат разослан «26» ноября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Т.Б. Трошева

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена исследованию основного онтологического свойства перевода — его вторичности. Известно, что вторичность является как универсальной, так и текстовой категорией. Как текстовая, она относится к основным характеристикам современного дискурса, и потому вторичный текст все чаще становится объектом исследования. Такой интерес вполне закономерен, так как тот текстовый континуум, в котором живет современный человек, состоит в основном из *вторичных текстов*. О том, что проблема вторичных текстов относится к числу назревших, свидетельствует и все увеличивающееся количество работ, так или иначе связанных с проблемой вторичности, в которых анализируются вторичные тексты различной природы. Перевод также относят к вторичным текстам, но его вторичность носит особый характер и представляет собой далеко не однородное явление.

Сегодня перевод оказался в центре внимания исследователей различных научных направлений. Он был осознан как точка пересечения, в которой сходятся все (практически без исключения) проблемы языка и мышления, языка и культуры, национального и индивидуального в концептуальной и языковой картинах мира, проблемы жанра и стиля, текстопорождения и текстовосприятия, проблемы текста и интертекста, первичности и вторичности текстовой деятельности и самого текста, проблемы творческого и стереотипного в мышлении и речепорождении. И это, вероятно, еще не весь спектр проблем, которые можно увидеть в феномене перевода. Изменение статуса перевода как объекта исследования на рубеже ушедшего XX и наступившего XXI веков проявляется в том, что наука о переводе из лингвистической превратилась в по-настоящему междисциплинарную: сегодня трудно назвать гуманитарную науку, которая не нашла бы своей «точки приложения» в нем. Сложность феномена перевода привела исследователей, с одной стороны, к множеству концепций, с другой — к пониманию неисчерпаемости проблем и вопросов, возникающих при изучении перевода. В связи с названной сложностью и многогранностью перевода как объекта изучения особую актуальность приобретает исследование его онтологии. Данная работа и представляет собой попытку осмысления одного из важнейших онтологических свойств перевода, каким, бесспорно, является *вторичность*.

Объектом исследования является перевод как универсальный семиотический процесс, составляющий суть речемыслительной деятельности и межъязыковой перевод как один из его видов. В качестве предмета исследования выступает вторичность как одно из основных онтологических свойств переводческой деятельности и текста перевода. При этом вторичность рассматривается и как общетекстовая категория, и как категория, позволяющая выделить определенный типологический корпус текстов и назвать их вторичными. На этом основании анализируются специфика текста перевода по

сравнению с другими вторичными текстами и межтекстовые отношения между оригиналом и переводом как первичным и вторичным текстами.

Цель работы заключается в исследовании онтологии перевода как вторичной текстовой деятельности (и в связи с этим философии межтекстовых отношений в паре оригинал/перевод) и в создании интегральной модели перевода на основе современных философских концепций текста и перевода.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1) проследить и выявить философские корни современной концепции текста и охарактеризовать современное представление о феномене текста;

2) рассмотреть первичность и вторичность как универсальные категории и как категории текста, выявить специфику перевода как одного из видов вторичного текста;

3) проанализировать особенности порождения первичного и вторичного текстов с целью выявления общего и различного в механизмах порождения;

4) оценить современное состояние науки о переводе, выявить ее основные направления, определить особенности подходов к изучению перевода в рамках новой парадигмы;

5) рассмотреть историю отношений оригинал/перевод в практике и теории перевода с целью выявления природы этих отношений;

6) провести сопоставительный анализ концепций вольного и буквального методов перевода и их практических реализаций (на примере конкретных текстов переводов), исследовать философские корни буквального перевода;

7) выявить особенности вторичности текста перевода в зависимости от типа текста, метода перевода и личности переводчика;

8) предложить модель перевода на основе современного представления о тексте и интертекстуальном пространстве;

9) проанализировать диалектику вторичности перевода, ее абсолютность и относительность.

В силу того, что работа носит теоретический характер, **материалом** для критического анализа послужили имеющиеся сегодня теоретические концепции текста, концепции и классификации вторичного текста и его связей с первичным, основные современные теории перевода. В качестве материала для практического анализа и иллюстрации теоретических положений были использованы тексты оригиналов (А. Милна, Р. Бернса, Л. Кэрролла, У. Шекспира, И. Гете, Э. По, А. Пушкина, И. Бунина, В. Набокова, А. Кристи и др.) и их переводов.

Методологическая основа исследования была выбрана исходя из основного методологического принципа современной науки, которым, как известно, является плюрализм. Плюрализм исключает монополизм из

концептуальной сферы любого исследования, находя выражение в координации различных научных подходов, что ведет к объемному, голографическому видению изучаемого предмета. В связи с этим методологическая основа диссертации политеоретична. Прежде всего исследование базируется на философии XX века, представленной феноменологией Э. Гуссерля, онтологией М. Хайдеггера, герменевтикой Х.-Г. Гадамера, французским постструктурализмом Р. Барта, Ю. Кристевой, аналитической философией Г. Фреге и Б. Рассела, Дж. Сёрла и Дж. Остина, лингвистической философией Л. Витгенштейна и постмодернизмом Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ж. Бодрийера, Э. Фуко. Из названных философских парадигм наиболее значимым для данной диссертации является постмодернизм, поскольку именно он завершил формирование нового взгляда на текст, его порождение и прочтение. Основные положения постмодернизма, касающиеся феномена текста, его порождения и восприятия, позволяют по-новому увидеть и феномен перевода, понять его интертекстуальную природу. В качестве отечественной интерпретации философии постмодернизма в работе использовалась философия текста В. Руднева. Кроме того, исследование проводилось с опорой на теорию смысла А.И. Новикова, а также теорию смысла и понимания, представленную в трудах Р. Павилёниса, С.С. Гусева, Г.Л. Тульчинского, В.П. Филатова и других отечественных философов. Для анализа современного состояния науки о переводе и ее основных проблем был использован достаточно большой корпус работ современных западных исследователей, среди них E. Gentzler, T. Hermans, J. Holms, S. Bassnett, A. Lefevere, G. Toury, M. Baker, L. Venuti и др. Данная основа определила логику и стратегию исследования, сделав его многоаспектным и междисциплинарным.

Для исследования были использованы следующие методы: 1) критический анализ теоретических работ по философии постмодернизма и теории перевода; 2) семантический сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов; 3) контрастивно-семантический анализ переводных соответствий. Для соотнесения методов перевода с его вторичностью был использован аналитико-дискурсивный метод.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые вторичность как онтологическое свойство перевода становится предметом исследования. Как правило, текст перевода считается вторичным *ex definitione*, и в исследованиях перевода его вторичность только декларируется, но не подвергается анализу. Новизна данной работы заключается также в том, что в ней перевод рассматривается в зеркале новой философской парадигматики, где вторичность понимается как проявление интертекстуальности, являющейся абсолютной характеристикой процесса текстопорождения. Впервые сделана попытка рассмотреть вторичность как феноменологическую категорию в текстопорождении в целом и на этом фоне выявить особенности вторичности перевода. Новым является и обращение к философии межтекстовых отношений оригинала и перевода, к их динамике и к диахроническому аспекту

этих отношений. К новизне также можно отнести и сопоставление двух методов перевода (вольного и буквального) как принципиально различных стратегий интерпретации исходного текста, ведущих к онтологически различным видам вторичности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в концептуальном переосмыслении онтологической сущности перевода как вторичной текстовой деятельности, что ведет к кардинальному изменению представления о роли перевода в формировании межтекстовых связей, образующих интертекстуальное пространство. Предлагается концептуально новая формализованная модель перевода, в которой процесс перевода описывается в терминах функциональной зависимости, позволяющей представить перевод в общем и частном виде. Данная модель открывает возможность создания нового направления в исследовании перевода в рамках теории интертекстуальности. Кроме того, для понимания природы вторичности перевода в работе дается расширенное представление о переводе и современных направлениях в его исследовании, рассматриваются такие проблемы, как переводческая типология текстов, методы перевода, личность переводчика, поскольку от данных факторов зависит степень и тип вторичности. Все это дает системное представление о ключевых вопросах современного переводоведения, об основных тенденциях его развития. Анализ названных проблем проводится на базе достаточно большого корпуса теоретических работ последнего времени, включая зарубежные, в основном не переведенные на русский язык и впервые вводимые в русскоязычный научный дискурс.

Практическая значимость работы определяется тем, что теоретические результаты и предложенные эмпирические методы исследования применимы для решения широкого круга задач в изучении феномена перевода. Материалы исследования могут быть использованы в вузовских теоретических курсах по переводоведению, общему языкознанию, лингвокультурологии, стилистике, лексикологии, теории межкультурной коммуникации, а также в практике преподавания иностранных языков и перевода.

Исходная гипотеза данного исследования была сформулирована на основании современной теории текста и интертекстуальности и заключается в том, что вторичность, являясь онтологическим свойством перевода, не может рассматриваться как его абсолютная характеристика. Абсолютной она является только с точки зрения хронологии. Перевод как деятельность и перевод как текст вторичны и первичны одновременно, при этом соотношение вторичности и первичности в переводе может меняться, но никогда ни одна из названных категорий не будет абсолютным свойством перевода, это всегда диалектическое единство.

На основании проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1) Современная наука позволяет считать вторичность одной из универсальных характеристик современного художественного и научного дискурсов, исходя из чего вторичность перевода можно рассматривать как проявление общей вторичности, как ее частный случай.

2) Вторичный и первичный как универсальные категории находятся в сложных двунаправленных отношениях. Вторичный хронологически следует за первичным, но своим существованием продлевает жизнь первичному, создает ему жизненную среду. Таким образом, с одной стороны, появление вторичного зависит от первичного, его наличия, но с другой – вторичный своим существованием продлевает и меняет бытие первичного.

3) С точки зрения традиционного деления текстов на первичные и вторичные перевод нужно рассматривать как особый вид вторичного текста, специфика которого определяется его сложными (неоднозначными) отношениями со своим первичным текстом. В силу своей специфики перевод «не вписывается» в категорию традиционных вторичных текстов.

4) Вторичность перевода как его онтологическое свойство отличается большой диалектичностью: она может быть различной природы и степени. Зависит это от типа (жанра) текста, его энтропийности, метода перевода, от личности переводчика, его креативности.

5) Буквальный и вольный методы перевода – это качественно различные способы интерпретации оригинала и порождения текста перевода, отражающие различные видения проблемы соотношения языка и мышления, языка и культуры, формы и содержания, языка и смысла. Тексты, полученные в результате названных методов перевода, становятся элементами различных дискурсов. Учитывая отсутствие изоморфизма между различными языковыми системами, мы рассматриваем буквальный перевод не как «недотрансформированный» перевод, а как сохранение «природы чужого языка», позволяющее увидеть «способ производства значения» в оригинале.

6) Перевод всегда является одновременно и вторичным, и первичным текстом вне зависимости от метода перевода – буквального или вольного. Но метод определяет соотношение первичности и вторичности в тексте перевода, способ и направление развития оригинала (формальное или смысловое).

7) Современное представление о мире как об интертексте, точнее, как совокупности разноязычных и разнокультурных интертекстуальных пространств позволяет рассматривать перевод как семиотический «мост», который связывает два (и более) пространства, образуя тем самым новое интертекстуальное поле, в котором переплетаются интертекстуальные связи обоих пространств. Это ведет к расширению бытийного пространства оригинала, что дает основание определить перевод как дивергентный процесс.

Апробация работы. Основные положения работы и результаты исследования были представлены на конференциях, симпозиумах и школах-семинарах различного уровня: на XIII и XIV Международных симпозиумах по

психолингвистике и теории коммуникации (Москва 2000; 2003), на V и VI Международных конференциях «Россия и Запад: диалог культур» (Москва 1998; 1999), на III, IV, V, VI Международных конференциях по переводоведению «Федоровские чтения» (Санкт-Петербург 2001; 2002; 2003; 2004), на II Международной школе-семинаре «Когнитивная семантика» (Тамбов 2000), на III и IV Международных конференциях «Филология и культура» (Тамбов 2001; 2003), на II Международной конференции «Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад» (Н. Челны 1999), на Международной конференции «Изменяющийся языковой мир» (Пермь 2001), на международных конференциях по теории и практике перевода (Пермь 2000; 2002; 2005), на II Международной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» (Варшава 2004); на Всесоюзном научном совещании «Автоматический анализ, перевод, обучение пониманию текста» (Москва 1989), на Всероссийских научных конференциях «Динамический аспект лингвистических исследований» и «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Челябинск 1999), на 2-й Всероссийской конференции «Теория и практика речевых исследований (АРСО-2002)» (Москва 2002), на Всероссийской научной конференции «Язык. Человек. Картина мира» (Омск 2000), на Федеральной научной конференции «Лингвистика XXI века» (Екатеринбург 2004), а также на межвузовских конференциях в Перми, Уфе и других городах России. Диссертация обсуждалась в отделе прикладного языкознания ИЯ РАН и на расширенном заседании кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета. По теме диссертации опубликована 51 работа, в том числе две монографии. Общий объем – более 35 пл.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка; содержит 16 рисунков.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность и новизна исследования, формулируются его цель и задачи; дается общее представление о проблематике работы.

Как известно, наука о переводе считается одной из самых молодых. Ее рождение принято связывать с развитием прикладной лингвистики и с идеей машинного перевода. Поэтому не случайно, что именно лингвистика перевода и считалась традиционно общей теорией перевода. Те фундаментальные проблемы, которые волновали еще «пионеров переводоведения», а именно: сущность перевода, переводимость, адекватность перевода и другие – могут быть без сомнения названы «вечными» вопросами науки о переводе. «Вечность» их объясняется ненаблюдаемостью перевода, его неуловимостью, с одной стороны, и отсутствием единого представления о переводе, его

онтологии, с другой стороны. В 1956 году Джон Р. Фёрс писал: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [Фёрс 1978, 35].

Уже не одно поколение тех, кто задумывался об уникальном феномене перевода, пыталось ответить на вопросы, сформулированные английским лингвистом. Попытки эти продолжают и сейчас, приобретая все более и более интенсивный характер. Непосредственно с этими двумя онтологическими вопросами связаны и основные переводческие дихотомии: *оригинал/перевод*, *автор/переводчик* и извечный дуализм *буква/дух*. Казалось, что в традиционной лингвистической теории акценты в названных дихотомиях были расставлены: «примат» оригинала и его автора и, соответственно, зависимое положение текста перевода и переводчика, а также «торжество духа над буквой».

В современной же науке о переводе, основной характеристикой которой можно назвать политеоретичность, вышеназванные проблемы находят иную интерпретацию, и то, что казалось «решенным», снова становится вопросом. В данной работе и делается попытка взглянуть на эти уже, казалось бы, решенные вопросы сквозь призму современных концепций текста и перевода.

Структура работы обусловлена логикой исследования: в ней последовательно рассматриваются и анализируются основные философские парадигмы XX века, которые и привели к пониманию мира как текста и, соответственно, пониманию вторичности как общетекстового свойства; категория вторичности и само понятие вторичного текста, возможные подходы к определению вторичного текста; перевод как вторичный текст, специфика его вторичности, специфика отношений между оригиналом и переводом как вторичным и первичным текстами; два основных метода перевода (вольный и буквальный) как реализация различных стратегий интерпретации оригинального текста. Заключает работу раздел, посвященный диалектике первичности и вторичности перевода, в котором анализируются абсолютные и относительные признаки вторичности.

Первая глава «Текстуализация мира и сознания, или Текст в зеркале современных философских парадигм» посвящена анализу основных философских парадигм, в рамках которых и сформировалось новое представление о тексте, процессах его порождения и понимания. Это прежде всего философия постмодерности. В частности, в главе рассматриваются соотношение текста и реальности, современная философия текста, проблема смысла и понимания, интертекст и интертекстуальность как основные концептуальные понятия в постмодернизме. Первый вопрос, который освещается в главе, – это дихотомия текст/реальность, точнее, происшедшая в

понимании этой дихотомии перемена. Ее кардинальность сопоставима с «квантовым переворотом», имевшим место в физике, когда к классической ньютоновской механике добавилась квантовая, которая, по словам Р. Фейнмана, казалась «*uncommon-sensy*» (бредовой). Общим между «квантовым» переворотом в физике и «лингвистическим» в гуманитарных науках является понимание позиции наблюдателя: оба «переворота» погрузили наблюдателя в сам наблюдаемый объект, сделали его частью того, что наблюдается. Такая позиция наблюдателя в принципе исключает объективность наблюдения.

Параллель с физикой видится еще и в том, что в лингвистике и философии также на смену традиционному взгляду, согласно которому, текст и реальность – это разные сущности (реальность отражается в тексте), пришло новое видение онтологии данного соотношения: **текст и реальность суть одно и то же**. Знак равенства, поставленный между реальностью и текстом, приводит к логичному выводу: мы живем не в мире материальных объектов, а в мире знаков, в «символической Вселенной». Согласно Ж. Бодрийяру, эра знаков начинается в эпоху Возрождения, когда коды получают известную самостоятельность от референтов. Эта самостоятельность становится полной в XX веке, а мир, считает французский исследователь, становится миром моделей и **симулякров**. Симулякр (от лат. *simulacrum* – *образ, подобие*) – один из основных и популярных терминов постмодернизма, используемый как раз для того, чтобы подчеркнуть «замену реального знаками реального».

Поворот, происшедший в понимании дихотомии «текст/реальность», дал исследователям новую парадигму, т.е. новую «модель постановки проблем и их решений» (Т. Кун), в которой «исходным пунктом философствования» становится **язык**. Лингвистический поворот в философии нашел выражение в обращении к понятию смысла и значения, в замене понятия истинности понятием осмысленности, в стремлении рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности. Поворот к панъязыковой концепции и, в конечном итоге, к текстуализации мира и сознания происходил постепенно. Вклад в формирование названной текстуализации внесли феноменология Гуссерля, онтология Хайдеггера, герменевтика Гадамера, французский постструктурализм, аналитическая философия, «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» Л. Витгенштейна, идеи русского мыслителя М.М. Бахтина. Названная концепция окончательно сформировалась в философии постмодернизма. Именно он «объявил» Текст единственной Реальностью, частью которой мы и являемся, а нашу человеческую деятельность «**чтением безграничного текста мира, бесконечным семиозисом**» [Маньковская 2000, 56]. Поскольку перевод – это «бесконечное чтение» или «бесконечный семиозис», постмодернизм и был выбран в качестве основной методологии данного исследования.

Текстуализация мира и сознания отразилась и на понимании отношений в рамках классической триады «язык – текст – культура»: все они получили

статус знаковых (семиотических) явлений. Клод Леви-Стросс был первым, кто сформулировал фундаментальное теоретическое допущение, определившее во многом дальнейшее направление гуманитарных наук: культура обладает строением, подобным строению языка. Такое допущение открыло возможность переноса лингвистических, структурно-семиотических методов в любые гуманитарные науки. Таким образом, текст как знаковое (языковое) образование становится ключевой фигурой не только в лингвистике, но и в теории культуры в целом. В умах исследователей укоренилось представление о мире как о тексте, и это уже перестало быть метафорой.

В качестве основных семиотических концепций языка, текста и культуры в работе рассматриваются взгляды Ю.М. Лотмана и Л.Н. Мурзина. Представляется, что позиции Ю.М. Лотмана и Л.Н. Мурзина являются близкими. Оба подчеркивают знаковую природу текста и культуры, оба понимают культуру как состоящую из текстов. Но если Л.Н. Мурзин рассматривает «формальные», уровневые отношения, в которых находятся текст и культура, представляя собой уровни одной (языковой) системы, то Ю.М. Лотман особо подчеркивает способность текста (и культуры как Текста) генерировать смысл(ы). Однако, как известно, смысл был и остается той научной «неопределенностью», которую трудно определить. В то же время именно смысл, как правило, считают объектом перевода, и смысловой перевод (*sensum pro sensu*) со времен Цицерона и Иеронима был наиболее признанным в европейской традиции перевода. В связи с этим в работе рассматривается теория смысла, предложенная А.И. Новиковым и являющаяся своего рода концептуальным обобщением западных и отечественных концепций смысла. Также дается краткий анализ основных положений теории смысла, имеющихся в отечественной науке – как в лингвистике, так и философии. Основное внимание в этом разделе работы уделяется категории смысла и его интерпретации в постмодернизме, где смысл понимается как сугубо процессуальный феномен, который никогда не бывает изначально задан, он каждый раз «производится» (Делез), а семантическое бытие текста есть его «становление» (Барт). С таким пониманием смысла согласуется и основное положение смысловой теории А.И. Новикова, который считал, что смысл относится не к тексту, а к ментальной сфере того, кто воспринимает текст, или, другими словами, смысл не извлекается из текста, а приписывается ему разумом.

В связи с проблемой интерпретации текста в работе анализируются и такие основные понятия постмодернизма, как деконструкция, след, ризома, поскольку именно на них строится концепция восприятия и понимания, а также порождения текста. В фокусе внимания оказывается и проблема роли автора в текстопорождении, а также подробно рассматривается интертекстуальность как одна из основных категорий постмодернизма, благодаря которой механизм содания текста уподобляется «принципу калейдоскопа».

Таким образом, критический анализ основных концептуальных положений

постмодернизма, представляющего очень сложный и неоднородный комплекс лингвофилософских, литературоведческих и художественных воззрений, позволил сформулировать несколько наиболее принципиальных для данного исследования моментов:

1) Дистанцирование от рациональности модернизма, от веры в разум и прогресс, противопоставление рациональному мышлению иррационального; игровое, ироничное отношение к миру и возможности его познания. Негативное отношение ко всяким позитивным знаниям, к любым попыткам рационального объяснения (обоснования) мира и в первую очередь культуры, что привело к философскому релятивизму и скептицизму, к общему эпистемологическому сомнению.

2) Признание принципиальной относительности «правильности» любого понимания, с одной стороны, и право каждого на свое собственное толкование, с другой. Провозглашение наличия в тексте «бездны» возможных смысловых значений и «свободной игры активной интерпретации», а значит – и «свободы интерпретирующего сознания». Для «прочтения» текста с точки зрения постмодернизма необходима его деконструкция, которая и есть важнейшая составляющая постмодернистского комплекса, основной принцип анализа текста, смысл которого – выявить внутреннюю противоречивость текста, обнаружить в нем скрытые не только от читателя, но и от самого автора «остаточные смыслы», те смыслы, которые Ж. Деррида называл «спящими». Эти смыслы есть наследие прошлых речевых, дискурсивных практик, они закрепляются и существуют в языке в форме неосознанных мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, независимо от автора присутствуют в его тексте, трансформируясь под воздействием языковых клише эпохи. Все это ведет к тому, что в тексте возникают так называемые «неразрешимости». Задача критика-деконструктивиста и заключается в выявлении и тщательном анализе этих «неразрешимостей».

3) «Десакрализация» автора, что абсолютно соответствует всей постмодернистской логике: во-первых, поскольку текстом является весь мир, вся реальность, то совершенно очевидно, что у такого текста не может быть «автора» в обычном нашем понимании, может быть только скриптор. Во-вторых, поскольку глобальный текст представляет собой сложную иерархическую структуру, состоящую из множества «переплетенных» между собой текстов, становится невозможно вычленив из этого текстового континуума какой-то один самостоятельный (независимый) текст: каждый из текстов оказывается неотделим от структуры в целом, т.е. является интертекстом.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что, согласно постмодернистскому взгляду на мир и все сущее, «ничего не существует вне текста» (Деррида) и что «человек структурирующий уступил место человеку толкующему» (Деррида, Лакан). Другими словами, Автор уступил место Читателю. Эти утверждения перекликаются с мнением Монтеня, который

считал, что «истолкование толкований – дело более важное, чем истолковывание вещей». Приведенные высказывания и утверждение Ш. Гривеля: «Нет текста, кроме интертекста», – можно назвать своеобразными «максимами постмодернизма». Последняя из них, пожалуй, и стала своего рода основой практически для всех гуманитарных исследований в тех областях, которые связаны с семиотической триадой «язык – текст – культура» и, конечно, с человеком как «носителем» всех трех. Понятие интертекста привело и к теории интертекстуальности.

В настоящее время интертекстуальность очень активно изучается, особенно в теории литературы. Исследуется интертекстуальность и в переводоведении, где в фокусе внимания оказываются интертекстуальные компоненты оригинала и проблема их транслируемости. В данной диссертации интертекстуальность рассматривается шире: с одной стороны, мы склонны считать, что это понятие очень близко по своей сути к вторичности, с другой – интертекстуальность понимается как механизм образования интертекстуального пространства, в котором и рождаются все тексты.

Во второй главе «Категория вторичности в текстопорождении» анализируются первичность и вторичность как универсальные и как текстовые категории, понятие вторичного текста, возможные подходы к разделению текстов на первичные и вторичные, приводится классификация вторичных текстов и рассматривается модель их порождения, на основании чего выявляются особенности перевода как вторичного текста. Отдельный параграф посвящен проблеме типологии текстов как одной из основных переводоведческих проблем, поскольку совершенно очевидно, что степень вторичности перевода зависит от типа переводимого текста.

В наше время вторичность можно считать не только «роковой печатью» сознания и текста, но и одним из ключевых концептов гуманитарной мысли, в первую очередь, конечно, постмодернистской. В постмодернизме «вторичность», или «культурная опосредованность», является одним из главных принципов. В философии термины «первичный» и «вторичный» связываются с понятиями «первичные и вторичные качества». Эти термины, впервые введенные английским ученым Р. Бойлем для обозначения гносеологических понятий механистического материализма, получили широкую известность благодаря работе также английского философа-материалиста Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме», увидевшей свет в 1690 году. Различие первичных и вторичных качеств предмета основывалось на разграничении его свойств: одни из них рассматривались как объективные, присущие самому предмету, а другие – как субъективные, возникающие при восприятии данного предмета. К первичным качествам относились такие свойства предмета, как протяженность, величина, фигура, плотность и пр., к вторичным, соответственно, – цвет, запах, вкус, звук и т.п. Таким образом, согласно Локку, вторичные качества возникают под воздействием первичных на органы чувств, следовательно, они субъективны.

Для выявления **общего признака**, на основании которого предметы, объекты различного происхождения и природы могут быть отнесены к категории «первичный» или «вторичный», обратимся к словарным дефинициям значения этих слов. Так, в академическом «Словаре русского языка» (1981) *первичный* определяется как «являющийся первой ступенью в развитии чего-либо; исходный, первоначальный; основной, главный» [Словарь... Т.3, 42]; *вторичный* как «происходящий или совершаемый во второй раз; представляющий собой вторую, позднейшую ступень в развитии чего-либо; второстепенный, побочный» [Словарь... Т.1, 240]. В данных дефинициях нетрудно заметить следующие оппозиции: **первая/вторая ступень в развитии чего-либо; основной/побочный; первоначальный (исходный)/происходящий во второй раз**. Вероятно, при противопоставлении различных сущностей актуализируются различные оппозиции. Для характеристики межтекстовых отношений в паре «оригинал/перевод» как первичного и вторичного текстов значимыми являются оппозиции «первая/вторая ступень в развитии» и «первоначальный (исходный)/происходящий во второй раз».

Термины «первичный текст» и «вторичный текст» начали активно использоваться в теории научной информации в 60-е годы XX века (Полушкин 1964; Михайлов, Черный, Гиляровский 1965 и др.). Согласно информационному подходу к делению текстов на первичные и вторичные, к первым из были отнесены лабораторные журналы, диссертации, статьи в различных научных изданиях, монографии, т.е. такие документы, в которых содержалась информация о результатах научно-исследовательской деятельности. Вторичными текстами стали считаться документы, относящиеся к справочной литературе: обзоры, библиографические указатели, рефераты, аннотации и пр., т.е. те тексты, которые содержат информацию в **различном свернутом виде о первичных документах** (Полушкин 1966; Михайлов и др. 1965). Таким образом, термином «вторичный текст» обозначали документ, созданный в результате аналитико-синтетической обработки некоторого первичного текста.

В настоящее время понятие вторичного текста значительно расширилось и оказалось включенным в лингвистическую, литературоведческую и даже культурологическую проблематику, далеко выходящую за рамки «информационного» подхода. О расширении понятия «вторичный текст» свидетельствует и разнообразие терминов, употребляемых в научной литературе: «дублирующие жанры» (О.К. Кудасова), «тексты-интерпретации» (В.В. Васильева), «периферийные тексты» (М.П. Котюрова) – в отечественной науке, «co-writing» (А. Лефевр), «rewriting» (Ж. Лакан), «the literature in the second degree» (Ж. Женетт) – в западных исследованиях.

Онтологическая неоднородность, «многоликость» вторичных текстов привели к проблеме их типологизации. Одна из типологий предлагается в работе Л.М. Майдановой «Речевая интенция и типология вторичных текстов» [Майданова 1994]. Однако в достаточно полной картине вторичных текстов,

представленной исследователем, перевод отсутствует. Это, возможно, связано с тем определением вторичного текста, которое дается в работе: в нем ключевым моментом является смена «речевой интенции». Бесспорно, при переводе тоже меняется интенция – нельзя говорить о тождестве речевых интенций автора оригинала и автора-переводчика – но в классификации Майдановой данная смена интенций не нашла отражения. Таким образом, вторичность текстов, описанных Майдановой, пересекается со вторичностью перевода только по признаку наличия исходного (первичного) текста. Качественные характеристики перевода как вторичного текста остались за пределами данного исследования.

Анализ приведенных выше дефиниций понятий «первичный»/«вторичный», а также подходов к пониманию «вторичного текста» в лингвистике позволяет сделать следующие выводы о соотношении первичного и вторичного и об особенностях вторичного: 1) первичный и вторичный представляют собой диалектическое неразрывное целое: так, например, первичные качества обуславливают появление вторичных, но без вторичных они «мертвы» – именно вторичные качества, такие, как цвет, запах и вкус делают объект «живым»; 2) вторичное появляется на основе первичного, являясь его продолжением (развитием); 3) для возникновения вторичного необходима «обработка» первичного; 4) вторичное появляется под воздействием первичного на органы чувств (на сознание) субъекта, воспринимающего это первичное; 5) первичное и вторичное отличаются по своему происхождению: одно предшествует другому и является основой для его возникновения; 6) первичное и вторичное отличаются по признаку объективности/субъективности.

Таким образом, первичное и вторичное связаны, во-первых, генетически (первичное «рождает» вторичное), во-вторых, хронологически (первичное предшествует вторичному), в-третьих, онтологически (бытийность первичного и вторичного взаимообусловлены). Основным же объективным отличием первичного и вторичного является их возникновение. Это представляется справедливым и по отношению к текстам. Следовательно, основное различие первичных и вторичных текстов нужно искать в их порождении.

Согласно любой модели, процесс порождения текста представляется как некий квазиалгоритм, последовательность операций, для начала выполнения которых необходим «пусковой механизм». В случае порождения вторичного текста таким пусковым механизмом является тема первичного текста, являющаяся в каком-то смысле аналогом авторского замысла. Отличается она от последнего тем, что на ее основе может быть создан не один текст, а некоторое множество близких текстов, которые могут различаться (иногда значительно) как по форме, так и по содержанию. Они образуют синонимический ряд, специфика которого заключается в том, что все тексты генеалогически связаны между собой общим первичным текстом. Степень же близости во многом определяется тем, что становится инвариантом при

преобразовании первичного текста во вторичный. Инвариант, в свою очередь, зависит от того ментального образования, которое формируется в интеллекте субъекта, осуществляющего данное преобразование. Это ментальное образование есть результат понимания исходного текста. Формы представления таких ментальных образований могут быть различными как по полноте, так и по сложности. В качестве такой формы А.И. Новиков и Н.Л. Сунцова рассматривают денотатную структуру (ДС) первичного текста.

Использование ДС для исследования и моделирования порождения вторичных текстов, предполагающих только содержательную близость к оригиналу, представляется совершенно оправданным и продуктивным. Однако полноценный перевод – это не передача «основного содержания», это значительно более сложный процесс, которым ДС не всегда управляет, поскольку не всегда содержание является инвариантом в переводе. По всей видимости, нужно признать, что нельзя однозначно ответить на вопрос: о «промежуточном звене» в процессе перевода, о структуре ментального образования, являющегося аналогом замысла текста в переводе. Однако можно судить об онтологических характеристиках данного образования. Ими являются его вариативность и неоднородность, а также зависимость от восприимчивого в ходе перевода текста, от специфики соотношения внутренней и внешней форм в последнем. Все это дает основания считать перевод самым непростым вторичным текстом с точки зрения его онтологии. Бесспорно и то, что перевод занимает особое место в многочисленном и многообразном корпусе вторичных текстов, он не «вписывается» в предлагаемые классификации вторичных текстов. Он отличается от иных вторичных текстов своим предназначением – служить **полноправной заменой** первичного текста. Статус текста перевода позволяет цитировать по нему оригинал, судить о качествах последнего и даже оценивать язык и стиль автора оригинала. Таким образом, можно констатировать, что перевод отличается от других вторичных текстов своей особой связью с первичным, особым уровнем близости с ним.

Из вышеизложенного следует, что порождение текста перевода – это принципиально иной процесс по сравнению с порождением таких более традиционных вторичных текстов, какими являются реферат, аннотация, пересказ и пр. Соответственно, нельзя считать, что модель порождения вторичного текста, в которой только денотатная структура рассматривается как «промежуточное звено», описывает процесс перевода адекватно. В переводе ментальное образование, служащее «промежуточным звеном», имеет гораздо более сложную природу, в нем содержание и смысл переплетены, и их соотношение – это величина переменная. Исходя из предложенных А.И. Новиковым определений содержания и смысла как проекций, связывающих сознание и текст (содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст), перевод можно (конечно, условно) представить как поэтапный переход от T_1 к T_2 , первый этап которого – это многообразное и разнонаправленное проецирование. На наш взгляд, этот

процесс можно описать следующим образом: при восприятии оригинала Т, его содержание (как модель некой предметной ситуации) проецируется на сознание переводчика, сознание «реагирует» на эту проекцию и «включает» всю имеющуюся в нем информацию относительно спроецированной ситуации и ее элементов. Происходит рациональная и эмоциональная оценка данной ситуации, т.е. «придание» («приписывание») смысла воспринимаемому тексту. Есть все основания утверждать, что этот процесс носит «челночный» (итерационный) характер.

В результате такого многократного «набрасывания» смысла (Гадамер) или, если так можно сказать, взаимонаправленного проецирования сознания на текст и текста на сознание формируется сложная ментальная презентация, которую мы называем «смысловым комплексом». На основе этого смыслового комплекса и формируется замысел текста перевода. Вариативность текстов перевода одного и того же оригинала текста может быть различной. Среди факторов, от которых зависит данная вариативность, значительную роль играет фактор, связанный с понятиями «мягкости» и «жесткости» языка (В.В. Налимов) и текста (С.И. Гиндин). К «жестким» текстам, естественно, относятся научно-технические тексты, деловые документы, в какой-то степени пресси, к «мягким» – художественные произведения.

Разделение языков и текстов на «жесткие» и «мягкие» имеет прямое отношение к переводу, а именно, к проблеме вторичности как самого процесса перевода, так и его результата – текста перевода. Совершенно очевидно, что «новая жизнь» оригинала, его развитие зависит от личности переводчика, от его психофизических особенностей. Но творчество переводчика, его так называемая вторичная текстовая деятельность, определяется (и даже ограничивается) типом переводимого текста. Поэтому неудивительно, что одним из вопросов теории перевода всегда был поиск «типологии текстов, релевантной для перевода» (К. Райс) и необходимой как для предварительной (предпереводной) оценки оригинального текста с целью определения «стратегии» перевода, так и для оценки текста перевода. Таких классификаций перевода в зависимости от типа переводимого текста известно достаточно много. Для понимания «степени свободы» переводчика представляется перспективным обратиться к теории речевых жанров, предложенной М.М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров» (1953). Многие положения данной работы можно считать принципиальными для исследования категории вторичности в переводе. Но, может быть, наиболее важным является бахтинское утверждение о том, что «индивидуальные и языковые стили довлеют речевым жанром», но довлеют по-разному. Совершенно очевидно, что цель и стратегия перевода зависят от жанра переводимого текста; над переводчиком, как и над автором, довлеет жанр, который и определяет языковую свободу и языковое творчество переводчика. Из всех текстов, как известно, именно художественный не только допускает, а предполагает языковое творчество. «Писать хорошо значит подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка», – говорил Х. Ортега-и-Гассет

[Ортега 1991, 337], добавляя при этом, что «переводчик обычно человек маленький», а значит, он скорее всего заключит автора и его текст в «темницу лингвистической нормы».

Однако, как мы все хорошо знаем, история перевода богата примерами «переводческой смелости», далеко не все переводчики оказывались людьми «маленькими», в результате чего и рождались тексты не менее «мятежные», чем оригиналы, появлялись переводы конгениальные своим оригиналам, полностью (или почти полностью) утратившие признаки «переводности». Таким образом, нужно признать, что вторичность перевода, будучи его онтологическим свойством, является, как и сам перевод, понятием очень противоречивым. Его проявление в тексте перевода зависит от ряда факторов, среди которых и тот, насколько сам переводчик хотел, как говорил В. Брюсов, «чужое вмиг почувствовать своим».

Третья глава «Перевод/оригинал: философия межтекстовых отношений» посвящена проблеме отношений оригинала и перевода в теории и практике перевода. Обозначенная проблема непосредственно связана с темой данного исследования – с пониманием **вторичности** перевода. Рассмотрению отношений между оригиналом и переводом предшествует анализ основных направлений в исследовании перевода, выявление ключевых вопросов современного переводоведения, среди которых интерес к истории перевода, к поиску «философских корней» проблем перевода в далеком и не очень далеком прошлом. Знакомство с прошлым перевода делает возможным по-новому оценить роль перевода в истории цивилизации. В данной главе представлена диахроническая картина отношений оригинала и перевода. Основываясь на периодизации изучения перевода, предложенной Дж. Штайнером, в работе рассматриваются отношения между оригиналом и переводом, характерные для каждого из выделенных им этапов. Проведенный диахронический анализ концепций межтекстовых отношений (от Цицерона до Деррида) позволяет утверждать, что взгляд на эти отношения никогда не был однозначным. Оригинал как первичный текст не обязательно рассматривался и рассматривается как доминирующий в данной паре. Отношения между оригиналом и переводом зависят от многих факторов, среди которых тип текста, переводческая традиция, страна, эпоха, личность автора и личность переводчика. Эти отношения, по мнению А. Меликяна, можно считать «драматическим сюжетом европейской культуры, который охватывает почти все области человеческой мысли и деятельности».

Первыми, кто определил межтекстовые отношения оригинала и перевода как научную проблему, были представители переводоведческой школы бывшей Чехословакии – И. Левый, Ф. Мико и А. Попович (60-70 гг. XX века). Опираясь на концепцию литературной коммуникации, к формированию которой привели идеи Я. Мукаржовского об изменчивости и живости литературного факта как знаковой деятельности, чешские теоретики перевода начали разрабатывать методы системного исследования художественного

перевода, обращая особое внимание на отношения оригинала и перевода, автора и переводчика. Особая заслуга в определении этих отношений принадлежит А. Поповичу, который рассматривал перевод как один из метатекстов, отмечая при этом, что из всех возможных видов манипуляции с прототекстом, в том числе манипуляций, осуществляемых самим автором, перевод наиболее способствует продолжению его «жизни» [Попович 1980].

Связь одного текста с другим А. Попович считает аксиологической операцией, в которой проявляется авторская позиция по отношению к прототексту. Она может быть положительной (аффирмативной) или негативной (контроверзной). Соответственно этим отношениям метатексты делятся на аффирмативные и контроверзные. Перевод должен быть аффирмативным текстом, т.к. в нем реализуется аффирмативное отношение к первоисточнику, свидетельствующее о зависимости перевода от оригинала. Другими словами, перевод и оригинал связывают аффирмативные отношения, и даже больше, если поверить Ж. Деррида: в основе феномена перевода лежит любовь – «сильная форма желания, интереса и даже очарования». Речь идет об отношении переводчика к оригиналу.

Справедливым представляется мнение тех исследователей (к ним, в частности, относятся Иржи Левый и А.Д. Швейцер), которые считают, что модель перевода должна включать «допереводной этап», т.е. рождение текста оригинала. Считаю данный взгляд вполне обоснованным, так как перевод «продляет» жизнь оригиналу, он составляет один из этапов жизненного цикла текста. Однако, будучи формально первичным текстом, оригинал также несет на себе печать «вторичности», он также есть диалектическое единство первичности и вторичности как неизбежное следствие отношений языка и автора. Власть языка над автором – это одна из «вечных тем», волновавших лингвистов и философов, поскольку автор отнюдь не свободен в выборе языковых единиц и их комбинировании: над ним довлеет языковая норма, языковой узус. Однако эта власть носит, по выражению И. Бродского, как «деспотический», так и «раскрепощающий» характер. В работе анализируются оба вида зависимости автора от языка, т.е. рассматривается, с одной стороны, как язык вторгается в процесс «языковлечения», навязывая свои правила на обеих осях – селекции и комбинации (Р. Якобсон), с другой стороны, какими средствами располагает автор для преодоления языкового диктата, т.е. как узуальному противопоставляется окказиональное на лексическом и синтаксическом уровнях. Проведенный анализ позволяет утверждать, что авторский текст также в большей или меньшей степени вторичен. Если воспользоваться бартовской терминологией (раб/господин) в отношении языка и автора, то нужно признать, что в текстопорождении всегда рабство и господство переплетены, а их соотношение зависит от речевого жанра и автора, от того, насколько, по словам Барта, он владеет мастерством «дурачить язык». Для французского исследователя литература – это и есть «спасительное плутовство», это тот «блистательный обман», который позволяет «расслышать звучание безвластного языка, во всем

великолепии воплощающего идею перманентной революции слова» [Барт 1994, 540]. Вот этот «блистательный обман» автора, если удался, и становится объектом перевода.

Согласно пессимистическому взгляду на перевод, который разделяли Гумбольдт и его современники, а в XX веке Гадамер (относивший перевод к герменевтическим задачам), переводчик всегда обречен на неудачу: в той или иной степени непереводаемыми оказываются и грамматика, и слово. И хотя Гумбольдт подчеркивал, что «грамматика более родственна духовному развитию наций, нежели лексика» и что именно «грамматический строй языка дает нам представление о внутренней организации мышления» [Гумбольдт 1984, 20-21; 345], тем не менее, говоря о непереводаемости, он прежде всего указывал на слово, поскольку каждый язык выражает понятие иначе (пусть даже и немного), чем другой. Несоответствие «словарных соответствий» при переводе, вызванное тем, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [Гумбольдт 1984, 349], отмечали как философы-романтики начала XIX века, так и мыслители XX века. Не случайно поэтому замечание Ж. Деррида: «At the beginning of translation is the word».

Причины межязыковых вербальных несоответствий кроются не только в гумбольдтовском различном видении предмета, обозначенного данными словами, но и в том, что слово как элемент языковой системы неразрывно связано с другими элементами данной системы. Значение каждого слова оттеняется, обогащается значениями других слов, особенно тех, которые находятся с ним в родственных отношениях – парадигматических и синтагматических, синонимических и антонимических, семантических и формальных. Связи эти очень прочные, и «вырвать» слово из этого так сложно переплетенного вербального пласта невозможно. Кроме того, несмотря на контекстные ограничители, слово в тексте предстает в ореоле всех своих семантических возможностей, в разной степени высвечиваемых в речевом произведении. Сочетание «общего» и «индивидуального» значения, «выраженного» и «невыраженного», «реализованного» и «потенциального», «уловимого» и «неуловимого» порождает многосмысленность слова (а значит, и всего текста), которая не может быть транслирована (перенесена) в другой язык, в другую культуру.

Такое соотношение семантики слов оригинала и перевода можно описать в терминах теории множеств. Представим множество значений любого слова как некое множество $M = m(x)$, где M – это само множество, m – все значения слова x . В случае сравнения значений слова оригинала и его переводного соответствия мы имеем, соответственно, два таких множества: $M_1 = m(x_1)$, $M_2 = m(x_2)$. При пересечении данных множеств возникает еще одно множество M' , которое и есть «зона семантического пересечения» сопоставляемых слов, т.е. $M' = M_1 \cap M_2$. Последнее множество M' будет изменяться в зависимости от сопоставляемых слов, от их семантического

подобия. Отметим, что в некоторых случаях оно будет стремиться к полному пересечению M_1 и M_2 :

$M' \rightarrow M_1 \cup M_2$. Это будет означать эквивалентность сравниваемых слов, которая может связывать слова, являющиеся, как говорил Гумбольдт, наименованиями «физических объектов». В других случаях это выражение может принять следующий вид: $M' \rightarrow \emptyset$, что означает отсутствие зоны пересечения. Естественно, что оба эти случая являются достаточно маргинальными, как правило, мы можем выделить все три зоны (см. рис. 1). В зону пересечения чаще всего попадает денотативное значение, а все сопутствующие значения, образующие семантический шлейф слова, наделяющие его «духом», остаются вне ее.

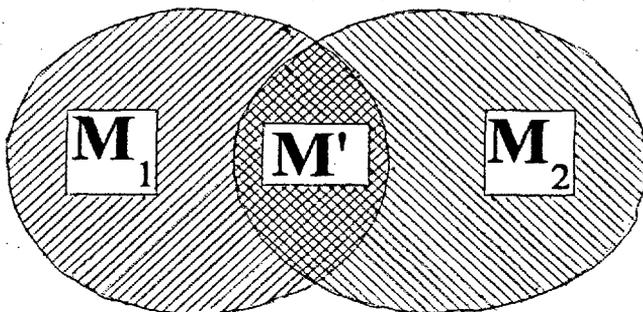

Рис. 1. Семантическое пересечение слов оригинала и перевода

В качестве иллюстрации к вышеизложенному в диссертации рассматривается отрывок из рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» и его перевод на английский язык. Для контрастивно-семантического анализа были выбраны такие русско-английские переводные соответствия, как *ненастье* – *rainy day*; *горница* – *inn*; *тарантас* – *coach*, *козлы* – *box*. Выбор этих русских слов был продиктован тем, что в их семантике ярко представлен культурный компонент.

Цель анализа – увидеть и исследовать то общее и то различное, что есть в культурной семантике русских и английских слов, в их семантических (референциальных и коннотативных) шлейфах, выявить смысловое и формальное своеобразие данных слов и выделить названные выше зоны. Анализ проводился на основе словарных дефиниций, найденных в толковых и двуязычных словарях. Для примера рассмотрим две пары таких соответствий: «*ненастье* – *rainy day*» и «*тарантас* – *coach*»:

1) *ненастье* – *rainy day*. В словаре В. Даля находим следующее толкование русского слова: «пасмурное небо с дождем, ситничком, с градом, с крупной, снегом, метелью, бурей; сырая и ветреная погода». Данное слово находится в следующем синонимическом ряду: «непогода», «непогодь», «непогодица».

Приставка «не» противопоставляет эти слова таким, как «погода», «погодье». Кроме того, «ненастье» – это и «несчастье», «неудача»: «Глупому счастье, умному ненастье»; «Было бы и счастье, да одолело ненастье».

Как мы видим, это русское слово имеет действительно длинный семантический шлейф, который вызывает множество ассоциаций, как «погодных», так и относящихся к внутреннему состоянию человека, к его судьбе.

Английское выражение «rainy day» передает только «погодный» признак, а именно «сырость», что подтверждается Webster's Expanded Dictionary, где дается следующее толкование слова «rainy»: wet, showery.

Итак, в данном случае «обеднение» семантики очевидно: исчезло в переводе все богатство связей оригинального слова, остался один общий признак – дождливость, который нельзя даже назвать главным, особенно если вспомнить русское изречение, из которого становится ясным, что дождь и ненастье – это разные вещи, которые дополняют друг друга: «Наше счастье – дождь да ненастье».

2) *тарантас* – *coach*. Русское слово погружает нас в мир проселочных старорусских дорог (которые вряд ли можно сопоставить с английскими highways) и соответствующее семантическое поле. В. Даль дает следующее толкование слову «тарантас»: «дорожная повозка на долгих зыбучих дрогах». Дрога, в свою очередь, – это продольный брус в повозке, соединяющий переднюю ось с задней. И «уходит» корнями эта дрога к глаголу «дрожать». Вот они, «долгие зыбучие дроги»! Это не городской, столичный экипаж, про который писала А. Ахматова: «Перо задело верх экипажа...».

Английское слово «coach» кроме того, что это «an old form of carriage with four wheels, seats inside and outside, usually pulled by four horses, and used to carry passengers and mail before railways were built», что совпадает со значением русского слова, означает также «a bus used for long-distance travel or touring, car, a railway passenger carriage».

В данном случае оба слова имеют достаточно богатую семантику, соответственно, и большие «ассоциативные поля», но они различны. Вектор ассоциаций русского слова направлен в прошлое, ассоциации английского направлены на современность. Общий признак – старинное средство передвижения.

Такого рода анализу можно подвергнуть и другие англо-русские пары из этого же рассказа и его перевода: *сенцы* – *entry*; *образ* – *icon*; *заслонка* – *oven door*; *вольная* – *freedom*; *баба* – *woman*; *ума палата* – *very wise*, *старинный разбойник* – *an outlaw of old*. Этот ряд можно продолжать и продолжать. Картина будет аналогичной. А если перейти от слова к более крупным единицам (предложениям), межъязыковое и межкультурное расхождение становится еще более очевидным. Достаточно сравнить: «*Покушать изволите или самовар прикажете?*» и «*May I offer you something to eat or would you*

rather have a samovar?»; «*Деньги в пост дает*» и «*She lends money out to folk*».

Данное сопоставление слова оригинала и перевода доказывает в какой-то степени справедливость гадамеровского утверждения о том, что переводной текст представляет собой только «набор букв, из которых вынули дух». От русских слов-образов *заслонка*, *сенцы*, *вольная*, *козлы* и пр. в их английских отображениях остались только предметы, которые можно опознать и как-то себе представить, но исчез тот эмоциональный ореол, который и делает их знаками культуры. Если референциальное значение слова позволяет найти ему соответствие в другом языке, то сопутствующие (коннотативные) же значения, как правило, не пересекаются. А ткань художественного слова, как известно, соткана именно из них, и чем больше таких сопутствующих ассоциативных значений у слова, тем больше в нем многомысленности, тем больше это литература. Очевидно, что очень часто переводчик при выборе межъязыковых соответствий идет прежде всего от словарных значений, которые, как уже отмечалось, дают нам только опору для формирования высказывания и его понимания. Остальные значения остаются за границей транслируемости. Именно этот факт и заставлял В. Набокова-переводчика вводить в язык перевода новые слова, чтобы передать не только предметное, но ассоциативное значение. Так, для русского слова «черемуха» в пушкинской строке «под сень черемух и акаций» он создает новое английское слово «*racemosa*», в то время как словарным соответствием, как известно, является «*bird cherry*» (птичья вишня). Комментируя свое переводческое решение, Набоков отмечал принципиальное различие русского и английского названий дерева: «Русское слово, с его слогами, напоминающими что-то пушистое и мечтательное, превосходно соответствует этому красивому дереву, выделяющемуся длинными кистями соцветий, придающих всему растению при цветении нежный, трепетный вид. <...> его (дерева – Н.Н.) молочно-белый, пахнущий мускусом, майский цвет ассоциируется в русских сердцах с поэтическими волнениями юности. Английскому названию не хватает таких характерных примет (оно обозначает лишь несколько родовых отличий...)». Вот поэтому писатель-переводчик вводит «простое и благозвучное название *racemosa* (кистеобразная), употребляющееся в качестве существительного и рифмующееся с *мимозой*» [Набоков 1999, 566].

Анализируемые лексические единицы из бунинского отрывка, как уже отмечалось, имеют достаточно выраженную культурную маркированность. Однако сопоставление более «нейтральных» слов дает аналогичную картину, не говоря уже о таких языковых единицах, как, например метафора и окказиональное слово, которые, как правило, и являются «нарушителями узуса». Кроме того, именно такие культурно-маркированные слова, или, как их называют, культурно-специфическая лексика, и составляют ядро языковой картины мира. Такая лексика часто становится безэквивалентной при переводе, а она «и есть тот лексикон, на материале которого и следует составлять списки фундаментальных национально-культурных концептов» [Нерозник 1998, 85].

Приведенные выше примеры представляют собой номинативные единицы, однако не менее интересную картину можно увидеть при сопоставлении, например, глагольных форм, используемых как переводные русско-английские соответствия. С точки зрения переводимости большой интерес представляет русский префиксальный глагол. В русском языке глагол считают «самой сложной и самой емкой грамматической категорией», наиболее «конструктивной» по сравнению со всеми другими категориями частей речи, а префиксацию – наиболее распространенным способом глагольного «строительства», благодаря чему, в русском языке мы имеем неисчислимое множество производных глаголов. Если сравнить, например, системы русской и английской глагольной префиксации, то первое, что нужно отметить – это небольшое количество английских словообразовательных префиксов по сравнению с разветвленной сетью русских элементов; во-вторых, многозначность русских приставок и достаточную однозначность английских; в-третьих, русский язык позволяет использовать сразу несколько префиксальных элементов в одном слове. Таким образом, мы можем говорить, что глагольная префиксация – это одна из составляющих языковой картины мира, это своеобразный способ членения мира. С другой стороны, в английской глагольной системе насчитывается очень большое количество видо-временных глагольных форм, отсутствующих в русском языке; велико и количество послелогов. Таким образом, во многих случаях, видимо, можно говорить о принципиальной взаимной нетранслируемости английского и русского глагола (с точки зрения как Гумбольдта, так и Гадамера). В качестве примера в работе рассматриваются отрывки из повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и ее переводы на английский язык. В данном случае неперевоодимость пушкинского текста увеличивается и выбранным для этого произведением разговорно-просторечным языком, который, как известно, является наиболее национально-специфическим языковым пластом. Приведем четыре пушкинских фразы, содержащие префиксальные глаголы, и их переводы на английский язык (автор первого перевода – Татьяна Литвинова; второго – Alan Myers; третьего – Natalie Duddington):

1) *Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...*

Petrusha was born the year Aunt Nastasya Gerasimovna lost the sight of her eye ...
(Т.Л.)

Petrusha was born the same year Nastasya Gerasimovna lost her eye, and when ...
(А.М.)

Petrusha was born the very year when Auntie Nastasya Gerasimovna lost her eye, and when ... (N. D.)

Окривела – приставка «о-» создает очень яркий образ, основанный на переходе в другое состояние (была не кривая, стала кривой), причем переходе полном. Нужно учесть и принадлежность данного слова к просторечию, что является речевой характеристикой матери героя – провинциальной

мелкопоместной дворянки, уровень образования которой далеко не высок. Английские варианты передают факт потери зрения, но образ разрушается. Вместо этого нейтральное замечание: «потеряла свой глаз», т.е. перестала видеть одним глазом.

2) *Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только.*

Oh well – I couldn't resist the temptation, and I took it into my head to go and visit my old friend, the sexton wife. There you are – a visit to friends, in gaol sometimes ends. It's terrible!(Т.Л.)

My sins found me: I thought to drop in on the sexton's wife, just to see my old friend. There you are: drop in on a friend and you are sat there for ever. Now I'm in trouble. (A.M.)

There it is – I yielded to temptation: I thought I would call on the deacon's wife, an old friend of mine. It's just as the proverb says – you go and see your friends and in jail your visit ends. It is simply dreadful (N.D.)

В этом отрывке сразу шесть префиксальных глаголов. *Попутал, повидаться* – приставка «по-» означает недолгое совершенное действие, *вздумал* – приставка «вз-» имеет значение интенсивного начала действия; *забрести, зашел, засел* – приставка «за-» обозначает, как правило, начало действия, но в данном случае это и его свершенность (все глаголы совершенного вида). В данном случае не только глаголы, но вся фраза в целом является прекрасным примером непереводаемости пушкинского слова. Переводчики в качестве метода перевода вынуждены пользоваться парафразой: вместо, например, лаконичного и выразительного «грех попутал» – «не мог противостоять соблазну», «мои грехи нашли меня», «поддался соблазну»

3) *Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель.*

The little cloud grew, rising ponderously, till it gradually covered the entire heavens. A fine snow began to fall, and suddenly the air was filled with big flakes. The wind howled, the blizzard was upon us (Т.Л.).

The cloud turned into a white cumulus which rose up heavily and gradually extended across the sky. A powdery snow began to fall, then suddenly started coming down in flakes. The wind rose to a howl; the snowstorm was upon us. (A.M.)

The little cloud grew bigger and rose heavily, gradually enveloping the sky. Fine snow began to fall, and suddenly came down in big flakes. The wind howled, the snowstorm burst upon us. (N.D.)

Удивительная пушкинская фраза создает очень точный и яркий образ наступления непогоды. Особенно великолепно выражение с глаголом *облегла* (облегла небо) где приставка «об-» означает распространение действия вокруг. Английские варианты «covered the entire heavens/ extended accross the sky» полностью утрачивают метафорическую образность и поэтичность исходного слова. Третий перевод предлагает новую метафору «enveloping the sky», но и в

данном случае прелесть русского глагола остается непередаваемой. Представляется, что сделать это невозможно. Приставки «по-» в глаголах *пошел/повалил*, «за-» в глаголе *завыл* – означают начало действия, «с-» в *сделалась* – свершенность действия. В англоязычных вариантах названные значения приставок передаются с помощью дополнительных уточняющих слов: *began to fall, started coming down, suddenly came down, the wind rose to a howl*, и пр. Пропадает пушкинская краткость, исчезает гениальная двусловность его предложений: «Ветер завыл; сделалась метель».

4) *Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава богу, искожена и изъезжена вдоль и поперек.*

"I know these parts", replied the wayfarer, "I ought to – I've been the length and breadth of them on foot and on horseback, time and again" (Т.Л.)

"I know the country hereabouts", replied the traveller. "Lord be praised, I know it inside out, on foot or horseback".(A.M.)

"I know the country well enough," the wayfarer answered. "I should think I have trodden every inch of it". (N.D.)

Два глагола с приставкой «из-», обозначающей интенсивность действия, а также его выполненность, делают фразу семантически сконденсированной, не требующей никаких пояснений. В английском же приходится искать иные описательные способы выражения, в которых семантический конденсат исходной фразы рассеивается. Шесть исходных слов (включая союз «и») представлены в английских вариантах соответственно шестнадцатью, девятью и семью словами. Остается только удивляться необыкновенной семантической емкости и выразительности русского глагола, и трудно не согласиться с Набоковым, который писал: «Русский глагол, кажется, струится от счастья бытия, но в переводе он становится не больше, чем подстрочником» (выд. наше – Н.Н.) [Набоков 1996, 420].

Проведенный семантический анализ показал, что общим признаком слова оригинала и перевода, попадающим в зону пересечения, как правило, становится денотативное значение, а большинство сопутствующих значений остается вне этой зоны. Это означает, что «дух» слова, о котором говорил Гумбольдт, остается нетранслированным (или частично транслированным), и поэтому говорить об эквивалентности переводческих соответствий не представляется корректным. Нетранслируемость сопутствующего (коннотативного и ассоциативного) семантического шлейфа того или иного слова ведет к утрате многозначности оригинала, лишавшись которой, перевод и становится «яснее и примитивнее оригинала» – картой, а не ландшафтом (Гадамер), цикорием, а не кофе (Шопенгауэр). Так возникает главный парадокс перевода, заключающийся в двойственности позиции переводчика по отношению к оригиналу и переводу, поскольку, как говорил Гадамер, «переводчик должен сохранять за родным языком все его права и вместе с тем отдавать должное чуждому и даже враждебному в тексте и его выражениях» [Гадамер 1988, 450]. Поиски выхода из такого «переводческого

тустика» привели еще в античную эпоху к двум совершенно различным методам перевода: буквальному (*verbum pro verbo*) и вольному (*sensum pro senso*).

В четвертой главе «Буквальный и вольный перевод как различные стратегии интерпретации оригинала» рассматривается комплекс вопросов, связанных с различными стратегиями интерпретации оригинального текста и его перевода. В наше время переводческий дуализм, известный как «вольный» и «буквальный» методы перевода, получает новую интерпретацию: он обсуждается в терминах «domestication» и «foreignization», предложенных американским теоретиком перевода Л. Венути. Это новые обозначения для шлейермахеровских понятий двух методов перевода, которые в англоязычной литературе известны как «naturalizing» (метод, направленный на создание «естественного» для принимающей лингвокультурной среды текста) и «alienating» (метод, который ведет к созданию «отчужденного» текста, иностранное происхождение которого не скрывается, а наоборот, подчеркивается переводчиком).

Метафорически эти методы перевода определяются как «путь автора к читателю» и «путь читателя к автору», и ведут они к различным типам текста перевода, которые можно различать по тому, как они читаются: или как оригинал, или как перевод. Шлейермахер их называл текстом «с легкой естественной походкой» и текстом, походка которого представляет «скованное и судорожное ковыляние». Казалось бы, переводчики должны отдавать предпочтение «легкой походке», а не «судорожному ковылянию». Большинство и отдает, но не все. Среди тех, кто считал, что нужно заставить читателя двигаться к автору, кроме Шлейермахера мы находим Вяземского, Фета, Брюсова (позднего), Беньямина, Гассета, Набокова.

В XX веке появляются переводы, в которых читателя «заставляют» двигаться к автору, но при этом путь его облегчается множеством «дорожных указателей». Примерами таких переводов служат совершенно различные по жанру и значимости тексты – англоязычный «Евгений Онегин» В. Набокова и русскоязычный «Винни Пух» В. Руднева. Оба текста в какой-то мере соответствуют представлению об «идеальном» переводе Х. Гассета, который считал, что перевод должен быть «не привлекательной с литературной точки зрения книгой», а «довольно громоздким приспособлением», но «зато действительно способным переселить нас в бедного неудачника Платона» [Ортега-и-Гассет 1991, 351]. К эффективным средствам «переселения» испанский мыслитель относил сноски. Сноски (footnotes) становятся главным требованием в переводе и для Набокова: «I want translations with copious footnotes, footnotes reaching up like skyscrapers to the top of this or that page» [Nabokov 1992, 143].

Среди тех, кто считал буквальность (дословность) в переводе достоинством, а не недостатком, и В. Беньямин, автор знаменитой «Задачи переводчика». Беньямин, как и Набоков, критически относился к переводу,

который подобно оригиналу читается «легко». Главная задача переводчика, согласно Беньямину, – «любовно и скрупулезно создавать свою форму на родном языке в соответствии со способом производства значения оригинала» [Беньямин, 2002].

Попыткой воссоздать в переводе форму «в соответствии со способом производства значения оригинала» можно считать новый перевод книги А. Милна «Винни Пух», авторами которого являются Т.А. Михайлова и В. Руднев. Свой метод перевода В. Руднев называет аналитическим. Суть его заключается в том, чтобы «не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка, совершенно по-другому, чем его родной язык, структурирующего реальность; напоминать ему об этом каждым словом с тем, чтобы он не погружался бездумно в то, что «происходит», а подробно следил за теми языковыми партиями, которые разыгрывает перед ним автор, а в данном случае и переводчик» [Руднев 2002, 51]. Как мы видим, в концепции перевода, предложенной нам нашим современником и соотечественником, В. Рудневым, легко угадываются связи не только с Набоковым и Беньямином, но и Гассетом, Фетом и Вяземским, и, конечно, со Шлейермахером. Все они считают, что в форме текста перевода должна угадываться прежде всего форма текста оригинала.

В диссертации сравниваются две русскоязычные версии «Винни Пуха»: «классическая» – Б. Заходера и «новая» – В. Руднева. Два метода перевода: естественный (naturalizing) и отстраненный (alienating). Сам В. Руднев их сравнивает с театром Станиславского и театром Брехта. Книга В. Руднева – это попытка перевести форму исходную в форму чужую, которую можно использовать как линзу для «изучения» исходного языкового материала, коим являются прежде всего две языковые единицы: предложение и слово. Предложение в тексте перевода – это часто синтаксическое уподобление исходному предложению, что делает русскоязычную фразу «неправильной». Однако, если «читатель с чутьем», он поймет нарочитую неправильность, корявость фраз типа: «Много счастливых пожеланий ко дню рождения!» или «Она ничего не заметит до Впоследствии» («And Kanga wouldn't discover the difference until Afterwards»). А такие «нерусские» слова, как «дебонсировка» или «депрыгировать», видимо, и есть та «аркада», которая, по мысли автора перевода, должна позволить, с одной стороны, войти в мир иного языка и в какой-то степени понять его, а с другой – увидеть тот общий человеческий язык, благодаря которому перевод и оказывается возможным. Слово, рожденное переводчиком как гибридное, как продукт наложения английской и русскоязычной словоформ, действительно служит мостиком в пространстве между языками: оно обращено сразу к двум языкам, являясь одновременно элементом того и другого.

Итак, появившийся новый перевод В. Руднева подтверждает еще раз, что буквальный (alienating) перевод «не умер» и что буквализм в переводческом искусстве – понятие далеко не однозначное, требующее теоретического

пересмотра с каждым новым шагом в развитии культуры [Гаспаров 1988]. Переводческий эксперимент В. Руднева может быть назван постмодернизмом в переводе, а сам текст «Винни Пух и философия обыденного языка», бесспорно, принадлежит постмодернистскому дискурсу. Считать так нам позволяет прежде всего сама структура книги, которая содержит философскую концепцию текста А. Милна «Введение в прагмасемантику "Винни Пуха"», затем изложение концепции перевода «Обоснование перевода», текст самого перевода «Winnie Пух» (обратим внимание на сохранение английского написания первой части имени героя) и «Дом в Медвеьем Углу», «Комментарии» и, как и положено для научной работы, библиографический список, содержащий источники, указывающие, на какие философские концепции опирается автор. Такое содержание книги, бесспорно, свидетельствует о том, что это не просто перевод, а лингво-семантическое исследование текста Милна. Книгу Руднева нельзя разделить на традиционные составляющие – предисловие, основной текст (перевод) и комментарии: это единый текст. Такая организация текста свойственна именно произведениям постмодернизма.

Переводы Б. Заходера и В. Руднева со всей очевидностью демонстрируют различные переводческие установки, различные стратегии интерпретации исходного текста. В первом случае мы имеем классический пример «динамической модели» перевода, когда задача переводчика – максимальная адаптация текста перевода к принимающей культуре, которая должна обеспечить реакцию, близкую к реакции рецептора в исходной среде (как представляет ее себе переводчик). В. Руднев изначально отказывается от такой задачи. Пытаясь вскрыть способы создания формы исходного текста, отказываясь от адаптации своего перевода к русской лингвокультуре, он осознанно стремится к иной реакции читателя на свой текст.

Таким образом, можно сказать, что перевод Заходера – это попытка рассказать русскоязычным читателям, о чем и что говорится в тексте Милна, а перевод Руднева – это попытка показать, как и из чего строится этот текст. Оба переводчика манипулируют текстом Милна, но делают это абсолютно по-разному. Вторичность в обоих случаях одинаково относительна, но по своей онтологической сути она различна. Оба текста могут быть названы «новыми», но природа их новизны далеко не одинакова. В первом случае (перевод Заходера) мы имеем смысловое развитие оригинала (что является общепринятым в практике перевода), и ориентирован этот текст на «массового» читателя. В то время как второй перевод ориентирован на немногочисленного («дискурсивно зрелого») читателя, способного принять предлагаемую ему межъязыковую игру. Две различные интерпретации одного и того же исходного текста, два абсолютно непохожих перевода и, как результат, два новых русскоязычных текста. Эти тексты встраиваются в различные дискурсы русской литературы и предназначены для разных читателей.

Итак, перевод неизбежно генерирует новые смыслы, одним из источников которых являются семантические неопределенности, имеющиеся в исходном тексте. В процессе чтения мы каждый раз обнаруживаем неопределенность как слова, так и предложения, параграфа или текста в целом. Любой перевод – это авторская (переводческая) интерпретация этих неопределенностей, часто ведущая не к их разъяснению, а к их увеличению, к еще большей энтропийности, что, в свою очередь, ведет к обязательным смысловым сдвигам, а значит, и к новым смыслам, к новым текстам. В диссертации причины и возникновение таких неопределенностей и сдвигов в процессе трансляции рассматриваются на примере переводов первых реплик героя трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Этим героем является тот, кого Шекспир назвал «cobbler» («a mender of shoes; a clumsy workman»), т.е. тот, кто ремонтирует (но не шьет!) обувь, не очень ловкий, неуклюжий рабочий). Источником же неопределенности является его реплика, в которой он себя называет «a mender of bad soles». Именно слово *soles* привело наших переводчиков Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича и А. Величанского к неожиданным переводческим решениям. Референциальное значение данного выражения представляется абсолютно «прозрачным»: поскольку речь идет о Древнем Риме, где обувью являлись сандалии, то совершенно очевидно, что шекспировский герой и занимался починкой сандалий, основной элемент которых – подошвы (*soles*). Семантическая неопределенность данного английского слова вызвана его всем хорошо известным омофоном «souls». Поскольку речь идет о сценическом произведении, не учитывать эту омофонность нельзя – бесспорно, именно она и привела переводчиков к их решениям, где след «души» очевиден. Способствовало этому и английское слово «conscience», одним из русскоязычных переводных соответствий которого является «совесть». В результате мы имеем следующие варианты интерпретации английского выражения «a mender of bad soles»:

«Ремесло мое таково, что я чаятельно могу в нем упражняться без угрызения совести, и в самом деле состоит только в том, чтоб поправлять худое»
(Н. Карамзин).

«Ремесло, которым, надеюсь, могу заняться с чистой совестью: оно состоит в том, чтобы исправлять худые следы» (А. Фет).

«Ремесло, сударь, такое, что надеюсь заниматься с чистой совестью, ведь я, сударь, заламываю чужие грехи» (М.Зенкевич).

«Надеюсь, мой промысел, господин, душеспасителен: чиню подошвы душ людских» (А. Величанский).

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют наличие у языковых знаков сопутствующих «спящих» смыслов, предугадать и объяснить «пробуждение» которых не всегда возможно, особенно в процессе межязыкового перевода, где ассоциации имеют двунаправленный (двуязычный) характер, а это неизбежно увеличивает семантическую неопределенность. Автор самой загадочной фразы «чиню подошвы душ

людских» А. Величанский считал, что в переводе личность переводчика должна обязательно проявиться, а «неминуемое искажение подлинника» есть «единственная гарантия определенного соответствия ему» [Величанский 1998, 17]. В этих словах Величанского можно услышать ответ пессимистическому (гадамеровскому) взгляду на перевод: нет ничего страшного в том, что подлинник искажается, наоборот, он живет в этом новом «искаженном» тексте, завоевывая себе новую среду бытия, пересекая границы нового интертекстуального пространства.

На основе понимания мира как интертекста, точнее, как совокупности разноразличных и разнокультурных интертекстуальных пространств в работе предлагается интертекстуальная модель перевода. В качестве теоретической основы была выбрана текстовая концепция постмодернизма, согласно которой «дом нашего бытия» – это многомерное интертекстовое пространство, в котором любой новый текст возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесенности с другими текстами, находящимися в данном интертекстовом пространстве. Другое следствие названных постулатов – это погруженность автора в этот же всеобщий интертекст: автор всегда находится в окружении чужих текстов, которые он впитывает либо сознательно, либо бессознательно. Из этого же интертекста, т.е. своей интертекстуальной памяти, и черпает автор составляющие своего текста, которые он по принципу калейдоскопа превращает в «новый» текст. Вот те принципиальные положения, которые важны для нас с точки зрения понимания сути процесса текстопорождения.

Из теоретических положений, касающихся понимания онтологии перевода, принципиальным для нас является следующее. Во-первых, отказ от рассмотрения перевода в старых терминах «верности» оригиналу, во-вторых, изменение статусов текста перевода и переводчика, признание манипулятивной власти последнего, и, в-третьих, понимание перевода как возведения моста через пространство, разделяющее исходную и принимающую среду (перевод как «in-betweenness»).

Кроме названных положений, важным представляется и деконструктивистское понимание перевода, согласно которому, перевод вписывается в непрерывный семиозис, непрерывный процесс означивания («the chain of signification»), в котором нет и не может быть никаких «первичных» сущностей. Или, если сказать точнее, то перевод и есть механизм этого процесса, а каждый текст – это и перевод, и оригинал одновременно. Цель предлагаемой модели – «высветить» межтекстовую составляющую перевода. Представляя исходную и принимающую культуры как интертекстовые пространства, считаем, что предлагаемую модель можно назвать интертекстуальной. В данной модели процесс перевода описывается в терминах функциональной зависимости, что

позволяет подчеркнуть, с одной стороны, «абсолютную» вторичность перевода, его зависимость от текста оригинала, а с другой – указывает на определенную вторичность и самого оригинала, его зависимость от того интертекстуального пространства, в котором он рождается. Перевод в модели рассматривается как «связующее звено», как своеобразный «семиотический мост» между двумя (и/или более) интертекстуальными пространствами. Кроме того, данная модель позволяет показать расширение бытийного пространства текста оригинала, происходящее за счет множественности интерпретаций, за счет тех новых – «неведомых» автору – смыслов, которыми он прирастает в новом для себя интертекстуальном пространстве. Схематическое изображение данного процесса представлено на рис. 2:

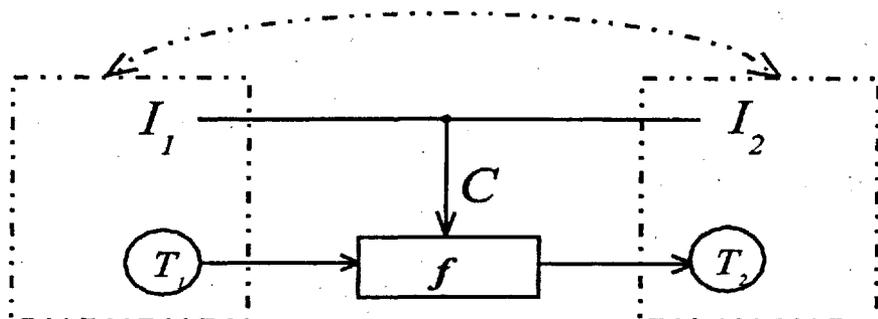

Рис. 2. Интертекстуальная модель перевода.

Согласно данному представлению перевода, текст оригинала T_1 рождается в интертекстуальном пространстве I_1 и, соответственно, является его элементом. Будучи вплетенным в интертекст I_1 , он связан и с другими текстами данного пространства как со своими предтекстами. В таком случае текстопорождающая деятельность автора может быть также описана как функциональная зависимость:

$$T_1 = f(I_1, X),$$

где X – неизвестные нам воздействия на автора, имевшие место в процессе порождения текста, к числу которых относятся, в частности, и диктат языка, и влияние других текстов. Таким образом, оригинал рождается не как «независимый», «свободный» текст, а как продукт погруженности его автора в интертекстуальное пространство и тех различного рода (как объективных, так и субъективных по своей природе) воздействий, которые испытывает автор, создавая данный текст.

Мы видим, что представленный на рис. 2 процесс перехода текста из

пространства I_1 в I_2 происходит под воздействием C (вектора управляющих воздействий). Эти воздействия, как и воздействия на автора, также могут быть различного типа: субъективные и/или объективные, языковые и/или культурные, ситуационные и многие другие. Учесть их все не представляется возможным, но и не включать этот фактор в модель нельзя, поскольку их влияние на переводчика и, соответственно, на продукт его деятельности (текст перевода) является определяющим и объясняет многие моменты переводческой деятельности: например, тот факт, что переводы одного оригинала, выполненные одним и тем же переводчиком в разное время, могут значительно отличаться. Другими словами, присутствие в модели величины C позволяет представить «единичность» каждого акта перевода, его личностно-субъективную составляющую, что делает вышеприведенную функциональную зависимость переменной. Исключение данной величины из описания перевода ведет к определенной «постоянности» функции.

Тот вектор C , который представлен на рис. 2, является суммой воздействий со стороны обоих пространств:

$$C = I_1 + I_2.$$

Таким образом, полная функция, отражающая процесс порождения текста перевода, будет иметь следующий вид:

$$T_2 = f(T_1, I_1 + I_2).$$

Это означает, что на порождение текста перевода влияют как текст оригинала, так и оба интертекстуальных пространства. Необходимо еще отразить и бесконечность процесса перевода, то, что перевод – непрерывная и бесконечная интерпретация, бесконечный процесс означивания и переозначивания (the chain of signification). В таком случае некий процесс перевода f можно представить как функцию некоторого текста T_1 и некоторого воздействия C . Выражение будет иметь вид:

$$t^1 = f(T_1, C_1).$$

Поскольку перевод является процессом бесконечным, рассмотреть все возможные воздействия C невозможно, соответственно, их можно «вывести за скобки»:

$$t(T_1) = f(T_1, C), \text{ при } C = \text{const},$$

сделав допущение, что C не изменяется в процессе конкретного акта перевода. Если мы считаем C величиной постоянной в конкретный момент перевода, тогда порождение текста перевода можно описать выражением:

$$T_2 = t(T_1).$$

В этом случае формализованное представление идеи бесконечности и непрерывности процесса перевода будет следующим:

$$T_n = t^n(\dots t^2(t^1(T_1))\dots).$$

Теперь снова вернемся к тому, что перевод бывает или смысловым, или буквальным, т.е. мы стремимся к подобию или формы F , или содержания S . В таком случае перевод можно представить как бесконечную трансформацию форм и/или содержаний, при которой происходит бесконечное удаление формы и/или содержания от оригинала:

$$\lim_{i \rightarrow \infty} \frac{S_1}{S_i} \rightarrow \infty \text{ при } i \rightarrow n \text{ или, соответственно, } \lim_{i \rightarrow \infty} \frac{F_1}{F_i} \rightarrow \infty \text{ при } i \rightarrow n,$$

где i – «порядковый номер» очередного перевода t_i , а n – некоторый, произвольно выбранный, момент остановки процесса транслирования. Обычно n – величина, также стремящаяся к бесконечности. Таким образом, в процессе перевода форма и/или содержание переводного текста могут все дальше и дальше отдаляться от оригинала. Это становится особенно очевидным в случае последовательного процесса перевода, когда каждый новый перевод осуществляется с предыдущего перевода. (Такие эксперименты проводились не один раз с разными комбинациями языков). В связи с этим, как показано выше, каждый текст перевода (вторичный текст) может рассматриваться и как первичный.

На схеме представлено еще одно пространство, это пространство переводчика, которое находится между пространствами I_1 и I_2 . Воплощая T_1 в «плоть» текста T_2 и транслируя его в пространство I_2 , переводчик связывает эти два пространства. При этом переводчик, как уже отмечалось, подвергается влиянию со стороны смысловых универсумов обоих пространств. Они могут быть различными по интенсивности, влияние одного может превосходить влияние другого, что также зависит от многих факторов, среди которых тип текста и выбранный переводчиком метод перевода, ну и, конечно, личность самого переводчика, его творческое «его». Вряд ли возможна ситуация, в которой указанные влияния оказались бы равновесными. Данные внешние воздействия на переводчика и, соответственно, на процесс перевода могут быть описаны в терминах синергетики, позволяющей представить перевод как последовательное преодоление точек бифуркации и «склонение» к одному из аттракторов, коими являются возможные варианты толкований исходного слова и выбор соответствий в языке перевода.

Согласно предлагаемой модели, переводчик «возводит» семиотический мост между двумя пространствами, завоевывая тексту оригинала определенную часть пространства I_2 , создавая тем самым условия для его бытия в этом новом для него пространстве. Будучи «трансплантирован» в это пространство, текст обретает в нем новые интертекстуальные связи. Но за ним тянется шлейф его старых связей. Те и другие связи объединяются, образуя его собственное интертекстуальное поле. Таким образом, текст оригинала получает импульс к саморазвитию, к «ветвлению», что позволяет назвать процесс перевода дивергентным. Дивергентность процесса ведет к значительному расширению бытийного пространства текста оригинала. Новая жизнь оригинала в новом для него пространстве коренным образом меняет его статус

в мировой культуре. Способствует этому процессу переводчик. Признание роли переводчика в обеспечении оригиналу «новой жизни» требует более глубокого и диалектического понимания онтологической сути вторичности перевода как деятельности и как продукта этой деятельности – текста перевода.

Обратимся еще к одному постулату постмодернизма: «Первое может быть первым только потому, что за ним следует второе: именно второе своим запаздыванием создает возможность первого». Применительно к переводу это может означать то, что оригинал сам нуждается в переводе: чтобы «жить», он должен переводиться, он, как говорил Ж. Деррида, «вымаливает» перевод. Это значит, что абсолютна права S. Bassnett, когда утверждает: **«Миф о том, что перевод – это вторичный вид деятельности (а это неизбежно занижает и статус перевода), должен быть развеян»** [Bassnett 2002].

Однако чтобы развеять этот миф, недостаточно общих замечаний о специфике вторичности перевода. Необходим анализ противоречивого характера данного свойства перевода, т.е. нужно уточнить соотношение **абсолютной и относительной** вторичности, вычленив признаки той и другой, назвать факторы, влияющие на характеристики вторичности. Анализ соотношения первичности и вторичности в переводе, проведенный с учетом таких его параметров, как **тип текста, метод перевода и личность переводчика**, позволяет сделать следующий вывод: вторичность перевода, будучи его онтологическим свойством, далеко не однородна. Она может быть различной степени и различного типа. Говоря о **степени** вторичности, мы имеем в виду «уровневую» характеристику, позволяющую различать высокую/низкую степень вторичности. В этом случае речь не идет о переходе текста перевода в другой дискурсивный ряд по сравнению с оригиналом. На степень вторичности прежде всего влияют тип переводимого текста и личность переводчика. Под **типом** вторичности мы понимаем дискурсивно-типологическое сходство/различие перевода и оригинала. В данном случае наиболее значимым параметром становится метод перевода.

Сказанное выше подтверждает бытующее определение перевода как «царства диалектики». Суть этой диалектики афористически выразил С. Аверинцев, сказав, что перевод – это «очень занимательный пример тождества в различии и различия в тождестве» [Аверинцев 1996]. Аналогично можно сформулировать еще один парадокс: перевод – это **«вторичность в первичности и первичность во вторичности»**.

Анализ вторичности перевода, основанный как на сопоставлении переводов разных по жанру текстов, так и различных переводов одного и того же текста, выполненных различными методами и разными переводчиками, позволяет вычленив признаки абсолютной и относительной его вторичности. Так, к **признакам абсолютной вторичности** относятся: 1) хронологическая последовательность (перевод всегда следует за оригиналом); 2) заданность темы и содержания, а значит, заданность проекции текста на сознание; 3) определенная заданность языковых средств (признак, наиболее варьирующийся

в зависимости от всех трех выделенных нами параметров – типа текста, метода перевода и личности переводчика).

К признакам относительной вторичности (или первичности) можно отнести следующее: 1) формирование замысла как результата смыслового восприятия, которое неизбежно ведет к смысловому сдвигу, создавая тем самым новый смысл, а значит, и новый текст; 2) личностный, субъективный характер проекции сознания на переводимый текст, что порождает контртекст, модифицируя исходный; 3) смена языка, создающая новую внешнюю форму, которая, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению и внутренней.

Исходя из вышесказанного, межтекстовые отношения в паре оригинал/перевод можно сформулировать в виде следующих диалектических зависимостей:

1) Перевод следует за оригиналом, его рождение зависит от оригинала, но бытие оригинала, область его распространения зависит от перевода.

2) Тема и содержание задаются оригиналом, но смысловое развитие, смысловое «дозревание» обеспечивает оригиналу перевод, в переводе, благодаря тому, что Ж. Дерида определил как «различание» (*différance*), могут раскрыться и актуализироваться остаточные («спящие») смыслы, ведущие к достаточно кардинальным изменениям семантического образа оригинала.

3) Язык оригинала определяет выбор языковых средств переводчиком благодаря существованию межязыковых закономерных соответствий, но языковые средства языка перевода дополняют значения исходных языковых единиц, создавая тем самым новые значения.

4) Оригинал рождается единожды в определенном месте в определенное время, появление новых переводов – процесс бесконечный: они появляются в разное время и в разных местах, в разных интертекстуальных пространствах и, соответственно, несут «печать» этих пространств, обогащая тем самым исходный текст.

5) Оригинал, «отлитый» автором в одну языковую форму, благодаря переводам приобретает множество форм, что и способствует его динамике, его вхождению в новые дискурсы, в новые интертекстуальные пространства.

6) Текст оригинала, преломляясь в текстах перевода, значительно расширяет свое смысловое пространство, увеличивая тем самым свою смыслопорождающую продуктивность.

Таким образом, если снова вернуться к определениям вторичного, приведенным выше, то нужно признать, что перевод, особенно художественный, – это не вторичное рождение оригинала, а новая ступень в его развитии (как смысловом, так и языковом), что и дарует оригиналу бытие, получившее в англоязычной литературе название «after-life».

Главный вывод о вторичности перевода, логично следующий из проведенного исследования, можно сформулировать следующим образом: в

интертекстуальном пространстве, в котором существуют автор и читатель, понятия первичности и вторичности в текстопорождении являются относительными, т.е. все тексты первичны и вторичны одновременно, или, по выражению О. Паза, каждый текст является и оригиналом, и переводом. Деление же текстов на первичные и вторичные возможно благодаря различию в них соотношения признаков первичности и вторичности. Перевод, будучи по своей онтологии и определению вторичным текстом, обладает рядом признаков первичного, которые могут быть выражены с различной интенсивностью. Но вне зависимости от соотношения признаков первичности и вторичности текст перевода – это «равноправный» текст в интертекстуальном пространстве, он также вплетен во множество разнообразных межтекстовых связей, основная из которых – это его связь с оригиналом, который и существует в мировой культуре как глобальном интертексте благодаря переводам.

В заключении приводятся основные итоги диссертационного исследования. В целом, проведенное исследование позволяет констатировать, что вторичность перевода носит диалектический характер: с одной стороны, она **абсолютна** как проявление общей универсальной вторичности (перевод вторичен, как вторичны все тексты), а также потому, что перевод следует за оригиналом и замысел текста перевода принадлежит автору оригинала. С другой стороны, вторичность перевода **относительна** и переплетается с первичностью, что проявляется как на этапе осмысления оригинального текста (переводчик «набрасывает» свой смысл на чужой текст, тем самым трансформируя, перестраивая его и даже «присваивая» себе), так и на этапе порождения текста перевода, когда переводчик вербализует уже «приписанный» тексту оригинала свой смысл. Таким образом, перевод – это всегда **диалектика вторичности и первичности**, и их соотношение является величиной переменной, зависящей как от объективных (язык, тип/жанр текста и др.), так и субъективных факторов, связанных с личностью переводчика, с его переводческой стратегией, с методом перевода, который он выбирает.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Реферативный перевод научно-технических текстов / Монография. – М.: Наука, 1991.– 148 с.(соавт.: А.И. Новиков).
2. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм / Монография. – Пермь, 2005. – 203с.

Статья и материалы конференций

3. «Чужое вмиг почувствовать своим»: диалектика вторичности перевода // Вестник Воронежского государственного университета. – 2005. – №1. – С. 92 – 97.

4. О философии буквального перевода // Вестник УГТУ-УПИ: Филология. – 2005. – № 8(60). – С. 322 – 331.
5. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм // Вестник Томского государственного университета: Философия. Культурология. Филология. – 2005. – № 287.
6. Категория смысла и перевод: «смысловой сдвиг» как онтологический признак перевода // Вопросы филологии. – 2005. – №3.
7. Формальная оценка семантической адекватности первичных и реферативных текстов // Межведомственный сб. научн. трудов. / Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1986. – С. 149-156. (Соавт.: С.А. Курушин, М.Ю. Стояк).
8. Реферативный перевод в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Виды речевой деятельности в системе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в вузе / Межвузовский сб. научн. трудов. – Пермь, 1986. – С. 55-61.
9. Реферативный перевод как особый вид научно-технического перевода // Профессионально-ориентированное взаимосвязанное обучение всем видам иноязычной деятельности в неязык. вузе. Метод. м-лы НМС по иностранным языкам. – Пермь, 1986. – С. 171-177. (Соавт.: И.И. Судакова).
10. Реферативный текст и особенности его порождения // Коммуникативные аспекты исследования языка. Сб. научн. трудов. ИЯ АН СССР. – М., 1986. – С. 34-43.
11. Моделирование как способ формирования структур языкового сознания // «Языковое сознание». Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988. – С.129. (Соавт.: В.Н. Овчинников).
12. Реферирование и обучение пониманию // Автоматический анализ, перевод, обучение пониманию текста. Мат-лы научного совещания. – М., 1989. – С. 10-11. (Соавт.: А.И. Новиков, Н.П. Пешкова).
13. Об использовании формальных грамматических показателей при обучении смысловому восприятию текста // Моделирование речевых механизмов при обучении иностранному языку. Сб. научно-методических трудов. – Рига, 1990. – С. 6-10. (Соавт.: В.Н. Овчинников).
14. «Гарольдов плащ» в русской литературе золотого и серебряного веков // Два рубежа: 100-летию юбилею «Мира искусства». М-лы научно-практической конференции. – Пермь, 1998. – С. 29-32. (Соавт.: Е.В. Бабурина).
15. Трансляция текста в социокультурном пространстве // Россия – Запад:

Диалог культур. Вып. 6. МГУ. – М., 1998. – С. 236-249. (Соавт.: В.Л. Соболев).

16. О понятии «вторичный текст» в теории перевода // Актуальные проблемы теории, практики перевода и подготовки переводчиков. М-лы Межд. научно-практической конференции. – Пермь, 1998. – С. 27-28.

17. Метафора как стилеобразующий и культурный компонент художественного текста: границы переводимости // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: Тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1999. – С.140-142. (Соавт.: Е.В. Бабурина).

18. Текст перевода как «бикультурное явление» // Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад: Докл. 2-й Междунар. науч. конф. Вып.2. Т.2 / Ин-т управления. – Н.Челны, 1999. – С. 182-184.

19. О проблеме моделирования понимания в автоматизированных обучающих системах // Визуальная культура XX века и проблемы современного образования: М-лы Междунар. молодежной науч.-практ. конф. – Пермь, 1999. – С. 76-78. (Соавт.: Д.С. Курушин).

20. Перевод: столкновение и взаимопонимание культур // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований. М-лы Всерос. науч. конф. – Челябинск, 1999. – С. 206-211.

21. Диффузия как элемент и фактор взаимодействия культур // Россия – Запад: Диалог культур. Вып.7. МГУ. – М., 1999. – С. 257-263. (Соавт.: В.Л. Соболев).

22. Межкультурная коммуникация и перевод: «презумпция непонимания» // Проблемы межкультурной коммуникации (лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты): Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 2000. – С. 311-318.

23. Перевод: «segrile path» или «высокое искусство»? // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Сб. науч. тр. – Пермь, 2000. – С. 113-121.

24. «Новое слово»: рождение и трансляция // Язык. Человек. Картина мира: М-лы Всерос. науч. конф. Омск. Ч.2. – Омск, 2000. – С. 53-56. (Соавт.: Е.В. Бабурина, Е.В. Поздеева).

25. Перевод: диалог и конфликт сознаний // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 169. (Соавт.: В.Л. Соболев).

26. Об интерференции как возможном механизме образования и

- трансляции метафоры // Теория и практика перевода: М-лы Междунар. конф. ПГТУ. – Пермь, 2000. – С. 10-11. (Соавт.: Е.В. Бабурина).
27. Интерференция как отражение когнитивных процессов при переводе // Когнитивная семантика: М-лы II Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2000. – С. 68-70. (Соавт.: Е.В. Бабурина).
28. Перевод: попытка синергетического взгляда // Теория и практика перевода: М-лы Междунар. конференции. – Пермь, 2000. – С. 28-30. (Соавт.: Е.А. Кравченко).
29. Виртуальная реальность в дистанционном образовании // Коммуникативное обучение иностранным языкам: Межвуз. сб. науч. тр ПГТУ. – Пермь 2001. – С. 24-29. (Соавт.: Д.С. Курушин, А.И. Новиков).
30. Художественное окказиональное слово: диалектика стереотипного и творческого // Изменяющийся языковой мир: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Пермь, 2001. – С. 165-167. (Соавт.: Е.В. Поздеева).
31. О специфике замысла и порождения текста перевода как вторичного текста // М-лы 2-ой Всерос. конференции «Теория и практика речевых исследований (АРСО-2001)». МГУ. – М., 2001. – С. 81-82.
32. Учение А.А. Потебни и проблема взаимодействия языковых и неязыковых средств выражения мыслей и эмоций // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 4. ПГТУ. – Пермь, 2002. – С. 123-127. (Соавт.: А.Г. Семенов).
33. Вторичность текста перевода и понятие речевого жанра (к постановке проблемы) // Теория и практика перевода и профессиональная подготовка переводчи-ков: М-лы Междунар. науч. конф. – Пермь, 2002. – С. 58-62.
34. Текст перевода: вторичность и/или интертекстуальность? // Университетское переводоведение. Вып. 3. М-лы III Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб, 2002. – С. 359-361.
35. Перевод: «презумпция понимания» и «принцип дополнительности» // Изменяющийся языковой мир: Докл. междунар. науч. конф. – Пермь, 2002. – С. 225-230.
36. Текст перевода – текст вторичный? (К постановке проблемы) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 133-144.
37. Вместо предисловия к ненаписанной книге // В круге культуры. Сб. научных статей по проблемам культуры, посвященный памяти профессора В.Л. Соболева. – Пермь, 2003. – С.137-142.

38. Метафоризация как компонент процесса смыслопорождения в тексте // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. Вып. VI. – Пермь, 2003. – С. 30-35. (Соавт.: Е.В. Бабурина).
39. Перевод как «генератор семантических неопределенностей» // Университетское переводоведение. Вып. 4. М-лы IV Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения»/ С.-Петербургский гос. университет. – СПб, 2003. – С. 251-256.
40. «Дебонсировка Тиггера, или Снова о так называемом буквальном переводе // Обучение иностранным языкам как средству межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 10-летию юбилею гуманитарного ф-та ПГТУ. – Пермь, 2003. – С. 325-329.
41. «Компромисс» Сергея Довлатова в восприятии русских и англоязычных читателей // Обучение иностранным языкам как средству межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 10-летию юбилею гуманитарного ф-та ПГТУ. – Пермь, 2003. – С. 311-314. (Соавт.: Н.В. Корюкина).
42. Семантическая неопределенность и переводческий дуализм // V Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения»: Тез. докл. – СПб, 2003. – С. 32-33.
43. Переводческие «дихотомии» в зеркале старых и новых парадигм // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докл. – М., 2003. С. 183-184.
44. Вторичность – вторичный текст – перевод // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. Сб. статей. – М.: Азбуковник. 2004. – С. 291-313.
45. «Слово» оригинала и перевода // Czlowiek. Swiadomosc. Komunikacja. Internet. – Warszawa, 2004. – С. 347-353.
46. Перевод: диалектика первичности и вторичности // VI Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения»: Тез. докл. – СПб, 2004. С. 42. (Соавт.: Е.В. Поздеева).
47. О новом статусе науки о переводе на рубеже столетий // Лингвистика XXI века. М-лы Федеральной научной конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 117-120.
48. Об особенностях формирования замысла текста перевода как вторичного текста // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. М-лы конференции. – Уфа: Изд-во Уфимского госуд. авиац. техническ. ун-та, 2005. – С. 220-224.

49. Наука о переводе: diagnostic rather than hortatory // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков. М-лы междунар. научно-практической конференции. – Пермь, 2005. – С. 30-35.

50. Перевод: диалектика вторичности // Проблемы перевода и межкультурной коммуникации. Научно-методический вестник. – 2005. – №1. – С. 12-19.

Учебное пособие

51. Отечественное переводоведение: Некоторые аспекты общей теории перевода / Хрестоматия. – Пермь, 2005. – 355 с.

Лицензия ПД-11-0002

Подписано в печать 15.11.2005. Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 2,6
Бумага ВХИ. Формат 90X60/16. Набор компьютерный. Заказ № 1534/2005.

Отпечатано на ризографе в отделе Электронных издательских систем
ОЦНИТ ПГТУ 614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к.113,
т.(3422) 198-033

